Текст · 7 октября 2026, 11:56
Елизавета Нестерова,

«Позаботься о рыбаксах, пока их мама будет в космосе». Последние слова «Весны» в апелляционном суде в Петербурге

Анна Архипова (срок — 12 лет). «Мама, спасибо, что высылаешь мне фотографии пушистой проказницы»

— Мы с коллегами по обвинению считаем себя юридически невиновными. Невиновными по сути мы так и останемся. Приговор это не изменит.

Может, совесть и не у всех чиста, но все мы, все шестеро, находимся в заключении по ложному обвинению уже больше трех лет. Может, позиция мира сейчас и не в чести для государства, но она нужна нашей стране. Может, суд нас и не оправдает, но со временем это сделает история.

Я хочу сказать спасибо каждому, кто поддерживал нас, кто писал письма, приходил на заседания и проявлял солидарность. Спасибо журналистам, освещавшим наше дело. Спасибо нашим замечательным защитникам, нашим уважаемым участникам процесса. Мы вас очень любим.

Спасибо нашим родным и близким за то, что не сдаются, верят и ждут. Мама, спасибо, что высылаешь мне фотографии пушистой проказницы. Папа, спасибо, что говоришь со мной о литературе.

Лена, ты всегда будешь моим кумиром и машиной, способной на все. Дорогому другу спасибо за регулярные поставки сладкого и аллергию на него… на сладкое, не на друга. Даша, с днем рождения! Не забывай использовать супершанс и, пожалуйста, позаботься о рыбаксах[1], пока их мама будет в космосе.

Отдельная благодарность сервису по покупке дешевых авиабилетов *Aviasales* за дешевые билеты для поездок на заседания судов по низким ценам. Я долго думала, какой анекдот рассказать в этот раз, но суд первой инстанции уже сделал это за меня аж на 164 страницах. Хочу сказать о другом.

Все эти почти три с половиной года я не перестаю поражаться тому, какие в нашей стране смелые, стойкие, невероятно сильные женщины. Каждая из них своя история и каждая отдельный повод для гордости и восхищения. Матери, жены, сестры, дочери — они все должны быть освобождены.

Свободу Кристине Любашенко, Ане Бажутовой, Тоне Фаворской, Свете Петрийчук, Жене Беркович, Оле Комлевой, Ане Александровой, Вике Мухаметовой, Лене Абрамовой, Полине Кузьминой, Маше Пономаренко.

— Послушайте, Архипова, ну это последнее слово, оно все равно должно касаться все-таки дела, — прерывает ее судья Андрей Худяков. — У нас же не шоу «Поле чудес», где мы передаем приветы и прочее, да? Давайте будем как-то ближе... для этого существуют какие-то свидания и прочее, вы можете письма передать. Давайте будем здесь работать по делу.

— Это все части одного дела, если разобраться. Свободу Ариадне Литвиновой и Даше Березовской. За каждым именем судьба живой девушки, женщины. И таких имен еще сотни. Свободу всем им! Любовь сильнее ненависти, а свобода сильнее репрессий. Девочки, держимся!

В прошлый раз я цитировала «Звездные войны», а в этот обращусь к «Властелину колец»: «Владычеству мрака раньше или позже придет конец. Потому что светлый и прекрасный мир неподвластен злу». У меня все. Спасибо.

Ян Ксенжепольский (срок — 11 лет). «Ненависть в нашем деле присутствует. Ее источник — кремлевские старцы»

— Перед основной частью последнего слова я должен закрыть один должок и выразить благодарность. Спасибо всем тем, кто был рядом, поддерживал, писал письма и помогал финансово. Спасибо всем тем, кто меня терпел все эти три года бесконечного, монотонного, однообразного процесса. Я знаю, это было, мягко говоря, нелегко. Особенная

благодарность Тане, Дане и Ане. Вас нет сегодня в этом зале, но я знаю, что вы прочитаете эти слова. Простите меня за все.

Спасибо стороне защиты в полном составе. Всем тем, кто был с нами изначально, и всем тем, кто по тем или иным причинам не дошел до конца. Особенная благодарность вам, Татьяна. Спасибо вам, представители СМИ, благодаря которым об этой речи знают и за пределами этого зала.

Спасибо вам, дорогие коллеги. Спасибо Жене [Затееву] за наши долгие беседы и понимание, я знаю, тебе передадут эти слова. Спасибо Васе [Неустроеву] за наши с тобой споры. Спасибо Паше [Синельникову] за нотку безумия, что носят наши беседы.

Ян Ксенжепольский. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Спасибо Валентину [Хорошенину] за… урок[3]. И, конечно, спасибо тебе, Аня [Архипова], за все эти годы. За то, что всегда была рядом, даже в самые непростые моменты. И прости.

Сегодня мы переходим Рубикон. Заканчивается наш процесс, который длился почти три с половиной года. Впереди нас ожидает не менее длинный путь. Он ожидает нас всех. Как писал Андрей Дмитриевич Сахаров, никто не должен рассчитывать на быстрые

и универсальные решения великих проблем. Все мы должны набраться терпения.

И терпимости, соединяемых, однако, со смелостью и мыслью. Но нельзя призывать нашу молодежь к жертве. Люди в нашей стране тотально зависимы от государства, и оно поглотит каждого, не поперхнувшись. А что касается жертв, то их было более чем достаточно. Действительно, жертв было достаточно. Я бы хотел надеяться, что мы будем последними. Я, добровольно вернувшись[4] в этот самый день четыре года тому назад в Россию, осознавал, что меня ждет.

Я пошел на это все по нескольким причинам. Первое: перефразируя другого классика, не под чуждым небосводом и не под защитой чужих крыл, я был со своим народом там, где мой народ, к сожалению, был. Вторая причина: я не причастен ни к чему из вменяемых мне преступлений, из-за чего приговор состоит из максимально общих формулировок, без единой конкретики. И третье, самое главное: я не вижу ничего постыдного в том, что нам вменяют. Да, многие посты чересчур эмоциональны, но с их сутью я согласен.

Если упрощать всю фабулу обвинения, если не считать экспертиз и юридических терминов, просто мусора и личных переписок, не имеющих ни малейшего отношения к уголовному делу, чествующих лишь моральный облик доблестных следователей... Сводится все к политической ненависти.

На протяжении всего предварительного следствия оперативники Центра «Э» и следователи убеждали меня признать вину и дать признательные показания. Правда, они мне не пояснили, в чем именно я должен сознаться. Но время для этого, кажется, пришло.

Действительно, ненависть в нашем деле присутствует. Неистовая, звериная ненависть. Только не мы ее источник. Ее источник — кремлевские старцы, безнадежно застрявшие в эпохе Брежневского застоя и пытающиеся затянуть страну в темное прошлое. Они ненавидят всех, кто выступает за технический прогресс, ломая им колени. Они ненавидят всех тех, кто хочет быть открыт миру, объявляя весь мир врагами. Они ненавидят мир, и поэтому сажают всех тех, кто за него выступает.

И самое главное, они ненавидят молодость, потому что понимают, что их век недолог. Но ненависть — это гнев слабых. И они слабы, так как противник у них — время, которое невозможно остановить. У меня все.

Павел Синельников (срок — 7,5 лет). «Хочу поблагодарить действующий в стране режим за этот опыт»

— Мне бы хотелось поблагодарить всех, кто поддерживал меня на протяжении этих трех с лишним лет. Моих родных, маму и бабушку, моих друзей всех, в том числе Лизу, Инну и Лену особенно. Всех, кто когда-либо писал мне письма, большинство этих людей я не знаю лично, и от этого все это еще удивительно, можно сказать, такое внимание к моей скромной персоне... Прошу прощения, если я

вам не ответил. Я тут могу придумать бесконечное количество оправданий для этого: то, что я боялся кого-нибудь обидеть в письме, или то, что тюремное суета меня затянула... неважно.

В общем, спасибо вам всем огромное. Также хочу поблагодарить тех, чьих имен я даже не знаю. Тех, кто поддерживал меня материально, финансово. Чтобы я мог нормально существовать в этих условиях. Хочу также поблагодарить и моих коллег, а также участников процесса и даже действующий в стране режим за то, что предоставил мне этот опыт, так сказать... Он очень изменил меня, трансформировал, в какой-то степени даже в лучшую сторону.

Павел Синельников. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Честно сказать, я вообще сегодня не готовился, я вообще не готовился к последнему слову в этот раз, и ничего не готовил — так устал. В общем, вообще, устал совершенно. И поэтому выступаю экспромтом.

Я тут ознакомился с законом о противодействии экстремизму, и там есть очень много интересных положений. Например, пресловутое «экстремистское сообщество». В этом законе нет такого понятия «экстремистское сообщество». Оно как бы... не знаю, не определено. То есть «экстремистским сообществом» можно назвать что угодно. Что, собственно, и произошло.

Второе, оказывается, органы государственной власти должны проводить профилактику экстремизма, рассылать всякие предостережения и предупреждения о недопустимости экстремистских действий. Ни одного такого предупреждения и предостережения мне лично, ну и как и всем остальным, я думаю, не было. То есть органы государственной власти не занимаются профилактикой экстремизма, а просто наказывают. Все это явно говорит о том... Короче, я не могу придумать, простите (*смеется*).

В общем, скажу очевидную вещь, то, что вынесенный в отношении нас приговор не имеет ничего общего ни со справедливостью, ни с правосудием, ни с законностью. Ну в общем, все.

Василий Неустроев (срок — 10 лет). «В эмиграции и в тюрьмах формируется своя фракция. Фракция гражданственности, мира и свободы»

— Видимо, в течение некоторого времени мне не представится другой возможности официально и устно поблагодарить всех, кто поддерживал правду и был на ее стороне в этом деле. И я с огромным удовольствием и самыми теплыми чувствами благодарю этих многочисленных людей. Но хорошо известно, что негативный опыт — это тоже опыт. Как мой коллега Синельников говорил только что, иногда этот опыт не менее полезен, чем опыт позитивный. И важно уметь находить что-то полезное для себя во всем происходящем.

В этом смысле было бы несправедливо не выразить до некоторой степени благодарность и другой стороне, а именно, трем головам государственного дракона, притворяющимися следствием, прокуратурой и судом. Ведь они не только продемонстрировали пример того, как никогда не нужно делать (тот самый отрицательный), но и создали, как минимум, для меня, видимые и осязаемые стимулы бороться с ложью системы, искать и находить правду, распространять ее, и главное — никогда-никогда-никогда не сдаваться. А теперь к делу.

Совсем недавно в России прошли выборы в Государственную думу — выхолощенная процедура без реального выбора и с административно откорректированным результатом. В думу, и так фактически устраненную от принятия сколько-нибудь важных решений, попали люди, отобранные отнюдь не избирателями, а действующей властью за вполне определенные качества, среди которых важнейшие: лояльность, сервильность, покладистость. Депутатские объединения в новой думе будут неотличимы друг от друга. Это все одна большая фракция власти, фракция войны и несвободы.

Тем временем, параллельно уже многие годы происходят и другие выборы. Власть авторитарного режима отбирает людей за определенные качества: в основном, за наличие гражданской позиции и способности ее озвучивать...

— Послушайте, ну давайте мы про выборы-то не будем говорить, мы про уголовное дело говорим! Причем тут выборы? — вмешивается судья.

— Это как раз про выборы... про преследование! Преследование этих людей! Так что в эмиграции и в тюрьмах формируется своя фракция. Фракция гражданственности, фракция мира и свободы. Все это — свидетельство страшного раскола между властью и обществом, который ставит под угрозу само существование российского государства, его будущее. Раскол этот, к сожалению, не нов, и является результатом нескольких упущенных исторических шансов, которые выпадали России.

По большому счету, в нашей истории пока что не было случаев демократической передачи власти. Ждем с нетерпением. А все эпизоды передачи власти были либо наследованием...

— Вы нарушаете статью уголовно-процессуального кодекса, определяющую пределы судебного разбирательства, — опять вмешивается судья Худяков.
— Вы говорите совершенно не то, что вам вменялось в вину. Вы выходите за пределы этого обвинения. Еще раз вас призываю: все-таки ближе к предмету нашего рассмотрения. Давайте возвращаться, обойдемся, будем работать конкретно. Выполнять конкретную работу.

— Хорошо. Не надо меня перебивать, пожалуйста. Значит, мое последнее слово. Я сижу тут почти три с половиной года... И вы мне сегодня зачитаете решение, из-за которого я буду сидеть еще пять лет. И

я имею право на три минуты, за три минуты сказать то, что я считаю нужным сказать.

— Мы готовы вас выслушать, — перебивает судья. — Мы готовы вас выслушать. Говорите по существу дела, потому что мы оцениваем не прошедшие выборы, мы оцениваем обоснованность, законность обвинения, процедуру рассмотрения дела в суде первой инстанции. Вы что, предлагаете нам оценить выборы, правильные они или неправильные? Признать их незаконными? У нас Конституционный суд может признать тот или иной закон не соответствующим Конституции. У апелляции нет такого права, поэтому я вас призываю говорить по доводам, которые подлежат оценке. Вот и все.

Василий Неустроев. Фото: Александра Астахова / Медиазона

— Значит, я продолжу читать. Три минуты. Значит, три минуты.

Пожалуй, трижды у России был шанс, трижды наша страна подходила достаточно близко к тому, чтобы обрести власть, ведущую диалог с гражданским обществом и основывающуюся на демократической легитимности, источником которой был бы народ. Один шанс, эволюционный, не осуществился из-за запоздалости и половинчатости Великих реформ Александра Второго и бездарности его наследников. Февраль 1917 года — это был второй шанс. Но он был сорван кровавым большевистским госпереворотом в конце того же 1917-го года. Третий шанс наступил

в Перестройку и после падения большевистской диктатуры в 1991 году. Как раз совсем недавно мы отмечали 35-летие подавления путча ГКЧП. 35-летие появления новой России, которая могла стать свободной, но так и не стала.

Ряд объективных и субъективных обстоятельств этому помешал. И новая власть быстро отошла от идей взаимодействия с гражданским обществом и получения демократической легитимности. Вместо этого россиянам в обмен на лояльность, был предложен ряд негласных договоров. Вначале это было обещание вещей, свободы и экономических...

— Неустроев! Вы не слышите! — опять вступает судья. — Я, в конечном итоге, за нарушение порядка судебного разбирательства, вынужден буду вас лишить... возможности выступать в таком контексте, если вы не будете говорить по существу.

— Еще раз. У меня три минуты. На три минуты дайте сказать, не мешайте, пожалуйста. Не надо меня прерывать.

— Давайте вы не будете меня ограничивать, это я могу вас ограничивать, а вот вы меня, может быть, к вашему сожалению... — отвечает судья. — Прошу прислушаться и не устраивать тут трибуну для митинга! Здесь идет процесс, судебное разбирательство. Не надо... как бы... пытаться использовать этот процесс в каких-то своих политических целях. Это процесс, это работа.

— Но власть же использует этот процесс в своих политических целях — значит, я буду. Но и также свобода и реформы...

— То есть мы можем записать, что вы нам высказываете свои политические идеи, доводы и прочее, не работаете по делу, а пытаетесь использовать здесь как трибуну для ваших политических лозунгов.

— Нет, это все имеет прямое отношение к делу.

— Ну, вы сами только что об этом сказали, что вы используете это как для политического выступления.

— Еще раз. Дело является политическим, другими методами оно не решается. Так что как бы что имеем, с тем и работаем. Я продолжаю. Еще раз говорю — три минуты.

— Ну, я засекаю время тогда, если три минуты у вас как бы по существу вы ничего, по делу, не будете говорить, я тогда реализую права, предоставленные мне, за нарушения вами порядка выступления в последнем слове. Пожалуйста, время пошло.

— Свободные реформы очень быстро прекратились. И уже в наши дни сменились обещаниями стабильности и относительного финансового благополучия. А когда эти обещания стали слишком очевидным образом расходиться с делом, власть решила оправдывать себя через милитаризм и насилие. Сейчас мы пожинаем плоды этого решения. И решение это — во многом результат изначального отказа власти от равноправного диалога с обществом.

Нынешняя власть выстраивает свои отношения с гражданами исключительно на войне и несвободе и на их порождениях — страхе и отчаянии.

Но ставка на войну и свободу, страх и отчаяние бессмысленна и бесперспективна с исторической точки зрения. Это крайне непрочные основания власти. Война и несвобода разъедают государственные институты, а опора на них не может держаться сколько-нибудь долго. Это крайне неустойчивое опасное состояние, которое может закончиться массовым осознанием того факта, что реальной опоры у власти просто нет. И рано или поздно нечестивый окажется уловлен делами рук своих. Перемены в России созревают медленно, но происходят, как правило, быстро.

В истории XX века было, минимум, три момента — два в 1917 году и один в 1991-м, когда, казалось бы все, кардинально поменялось за пару дней. И еще минимум три периода: первая революция 5-7 годов, годы после смерти Сталина и перестройка, когда многое серьезно менялось за пару лет. Последний из упущенных Россией на данный момент шансов — перестройка и появление новой России — предоставил нам два прекрасных хрестоматийных примера того, как власть, осознавая необходимость перемен, шла на диалог с обществом, с теми его представителями, которые еще совсем недавно были этой же властью репрессированы.

Первый пример — это стремительное возвращение Андрея Дмитриевича Сахарова, уже упоминавшегося моим коллегой Ксенжепольским, из горьковской ссылки и избрание его депутатом съезда.

Второй пример — это случившееся уже после падения большевистской власти триумфальное возвращение Александра Исаевича Солженицына из недобровольной 20-летней эмиграции. Это примеры попытки преодоления раскола, начало диалога власти и общества, когда те, кто долгое время были объявлены врагами государства, причем люди весьма разных взглядов, а без этого никак, стали допущены к дискуссии в его,государства, судьбе и его будущем.

Да, после 1991 года не получилось. Но нечто подобное ждет нас в обозримом будущем. И те, кто сейчас объявляются так называемыми «иноагентами», «госизменниками», «террористами», «экстремистами», все, принадлежащие к фракции мира и свободы, будут услышаны. Это и будет очередной шанс.

И надо сделать все, что в наших силах, чтобы, во-первых, не потерять в этот момент страны, расшатанной диктатурой, и сохранить гражданский мир. Но Россия сильная, она справится. И во-вторых, добиться не просто формального восстановления конституционного строя и возвращения правового государства, но и появления наконец-то власти, не отождествляющей себя с государством, ведущей постоянный диалог с обществом и опирающейся на истинно демократическую легитимность. А пока что самое главное — не бояться и не отчаиваться. Всеми силами сохранять...

— У вас 20 секунд осталось.

— Дайте сказать самые главные слова. За мир, свободу, за будущее нашей страны, за миролюбивую и

демократическую Россию! Россия будет свободной! У меня все, спасибо.

— Ну, даже уложились.

Как написать письмо осужденным по делу «Весны»

Архиповой Анне Николаевне, 1997 г.р. 195009, г. Санкт-Петербург, ул. Арсенальная, д. 11, ФКУ СИЗО-5 ГУФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области

Все пятеро молодых людей находятся по одном адресу: 196655, г. Санкт-Петербург, ул. Колпинская, д. 9, стр. 1, ФКУ СИЗО-1 ГУФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области

Меняется только имя адресата и год его рождения: Ксенжепольскому Яну Александровичу, 2000 г.р., или Синельникову Павлу Николаевичу, 2001 г.р., или Неустроеву Василию Петровичу, 1995 г.р., или Затееву Евгению Артемовичу, 2001 г.р., или Хорошенину Валентину Алексеевичу, 2001 г.р.

За новостями о молодых людях можно следить в телеграм-каналах их групп поддержки: Архипова, Синельников, Ксенжепольский, Неустроев, Затеев, Хорошенин.

После вступления приговоров в силу адреса всех шестерых рано или поздно поменяются из-за этапирования в колонию. За актуальными адресами следите через телеграм-бот: @svobot_bot.

О том, как писать письма политзаключенным, мы подробно рассказывали в нашей видеоинструкции.

Редактор: Егор Сковорода

1. Тапки в виде рыбок, которые близкие передали в СИЗО Анне и ее сокамерницам, среди которых была политзаключенная Дарья Козырева. Видимо, после освобождения Козыревой рыбаксы остались у нее.

2. Фаворская — псевдоним журналистки.

3. Валентин Хорошенин — единственный фигурант дела, который спустя два года в СИЗО не только признал вину и дал показания на товарищей, но еще и уговаривал их тоже признать вину. Получил 6 лет и 2 месяца в колонии.

4. Незадолго до возбуждения уголовного дела Ян Ксенжепольский был в отпуске в Грузии. В суде позже он уточнял, что понимал опасность и мог не возвращаться в Россию, но все равно приехал в родной город, так как считал это правильным.